

УДК 130.122
ББК 83.3 (2=411.2)6

Инга Юрьевна Матвеева

Российский государственный институт сценических искусств, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и искусства театроведческого факультета, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: inga.matveeva.spb@gmail.com

«Вперед – Иисус Христос»: эмблема духовной революции в творчестве А. Блока¹

Аннотация. Анализируется финальный образ поэмы А.А. Блока «Двенадцать» – Христос перед красногвардейцами, который с момента своего появления, т. е. в течение последнего столетия, осмысливается философами, литераторами и исследователями неоднозначно и противоречиво. Исследователи справедливо видели в этом образе своего рода оценку и понимание Блоком революционных событий 1917 года. В результате анализа текстов, тематически и идейно связанных с поэмой, – наброска пьесы о Христе и статьи «Владимир Соловьёв и наши дни», делается вывод о том, что Блок понимал революцию не как социальную трансформацию, а как «нравственный переворот», сопоставимый по своему характеру с эпохой появления христианства, т. е. с началом новой эры в духовном развитии человечества. В этом смысле показано, что позиция Блока продолжает важную в русской мысли традицию понимания развития общества в направлении к его гармоничному состоянию через необходимую и неизбежную духовную революцию, которую в разное время выражали и отстаивали П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой. Показано, что именно такая позиция Блока в отношении исторических событий позволяет предположить, что образ Христа понимается поэтом далеким от его ортодоксальной, церковной версии. Сделан вывод, что мировой нравственный переворот, по мысли Блока, совершается усилиями не Христа-Богочеловека, а Христа-художника, причем последний понимается по той модели нового пророка, которую задал М.Ю. Лермонтов в «Демоне» и которая была развита литературой Серебряного века: пройдя период сомнений, Демон отказывается от замкнутости и сосредоточенности на своей личности, воспринимает страдания мира и народа, слышит трагическую музыку своей эпохи и добровольно выбирает жертвенный путь. Высказана мысль, что понимание Христа как творческого человека, раскрывшего в себе духовные божественные возможности для преображения мира, восходит к гностической традиции, а также связано у деятелей эпохи Серебряного века с философскими построениями Ф. Ницше и с интересом к старообрядческим сектам. Отмечена связь образа Христа в финальных строках поэмы «Двенадцать» с образом Софии-Премудрости, который мыслится в качестве идеального начала, представляющего хаотичному миру как видение, как знак необходимости единства.

Ключевые слова: поэма А.А. Блока «Двенадцать», Христос-художник, духовная революция, гностическое христианство

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков». The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the XIX–XXI centuries”.

Inga Yu. Matveeva

Russian State Institute of Performing Arts, Candidate of Philology, Associate Professor of Philology, Departments of Literature and Art, Theatrical Faculty, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: inga.matveeva.spb@gmail.com

“Ahead is Jesus Christ”: the emblem of the spiritual revolution in the works of A. Blok

Abstract. The article analyzes the final image of the poem by A.A. Blok “Twelve” – Christ in front of the Red Guards, which from the moment of its appearance, i.e. over the last century, has been interpreted by philosophers, writers and researchers in an ambiguous and contradictory way. In this image researchers rightly saw a kind of assessment and understanding of the revolutionary events of 1917 by Blok. As a result of the analysis of a sketch of a play about Christ and the article “Vladimir Solovyov and our days”, it is concluded that Blok understood the revolution not as a social transformation, but as a “moral revolution”, comparable in its character with the era of the advent of Christianity, that is, with the beginning of a new era in the spiritual development of mankind. In this sense, it is shown that Blok’s position continues an important tradition in Russian thought of understanding the development of society towards its harmonious state through a necessary and inevitable spiritual revolution, which was expressed and defended at different times by P.Ya. Chaadaev, A.I. Herzen, L.N. Tolstoy. As shown in the article, it is precisely this position of Blok in relation to historical events that allows us to assume that the image of Christ is understood by the poet far from its orthodox, church version. The world moral revolution, according to Blok, is accomplished not by the efforts of Christ the God-man, but by Christ the artist, and the latter is understood according to the model of the new prophet, which was set by M.Yu. Lermontov in the Demon and which was developed by the literature of the Silver Age: after going through a period of doubt, the Demon abandons isolation and concentration on his personality, perceives the suffering of the world and the people, hears the tragic music of his era and voluntarily chooses the sacrificial path. The understanding of Christ as a creative person who revealed within himself the spiritual divine possibilities for transforming the world goes back to the Gnostic tradition; for the figures of the Silver Age, it is associated with the philosophical constructs of F. Nietzsche, as well as with interest in Old Believer sects. The article also notes the connection between the image of Christ in the final lines of the poem “The Twelve” and the image of Sophia the Wisdom, which is conceived as an ideal beginning, appearing to the chaotic world as a vision, as a sign of the need for unity.

Key words: A.A. Blok poem “The Twelve”, Christ the Artist, spiritual revolution, Gnostic Christianity

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.1.108-124

Финальный образ революционной поэмы А. Блока «Двенадцать» – Христос перед 12 красногвардейцами – несмотря на свою эмблематичность и устойчивость в культурном сознании, до сих пор представляет собой проблему. Литература, посвященная толкованию этого образа, многообразна, а диапазон его интерпретаций невероятно широк. Показательно, что крайности в осмыслении финального образа поэмы возникли уже среди современников поэта: например, В. Маяковский после смерти Блока писал о «честности и восторженности»² поэта в отношении революции; в противоположность такому суждению М. Волошин

² См.: Маяковский В.В. Умер Александр Блок // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1959. С. 21 [1].

утверждал, что «Христос вовсе не идет во главе двенадцати красногвардейцев, а, напротив, преследуется ими»³.

Полярность в интерпретациях образа характеризует и современные исследования: появление Христа в последних строках «Двенадцати» прочитывают то как явление Божьего Духа, то как пришествие Антихриста. В 2000 году журнал «Знамя», фиксируя крайние и противоположные позиции, уже привычные в исследованиях, посвященных произведению Блока, предложил подборку развернутых высказываний наиболее авторитетных мыслителей и исследователей – С. Аверинцева, К. Азадовского, А. Эткина, Д. Магомедовой и др.⁴ Такое очевидное разнообразие интерпретаций – яркое свидетельство того, что ставшая классической поэма «Двенадцать» и творчество Блока в целом – факты не сугубо историко-литературные, а явления, связанные с ключевыми вопросами русской культуры и русского самосознания.

Высказывания самого Блока относительно финала поэмы, известные нам по воспоминаниям современников, выглядят крайне неопределенно. Н.И. Гаген-Торн зафиксировала такой автокомментарий Блока: «...Так мне привиделось. Я разъяснить не умею. Вижу так» [4, с. 446]. Однако записи самого поэта предлагают более сложную картину его размышлений. В Записной книжке № 56 от 18 февраля 1918 года, на следующий день после окончательной доработки текста «Двенадцати», Блок записал: «Что Христос идет перед ними – несомненно. Дело не в том, “достойны ли они Его”, а страшно то, что опять Он с ними и другого пока нет, а надо Другого – ?» [5, с. 388–389]. В дневнике от 20 февраля 1918 года размышления об этом продолжают: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» [6, с. 326]. Более резкая запись, фиксирующая, что Христос в сознании Блока противопоставлен официальной церкви, относится к 10 марта 1918 года: «Если бы в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы “упчло” то обстоятельство, что “Христос с красногвардейцами”. Едва ли можно опорочить эту истину, простую для читавших Евангелие и думавших о нем. <...> “Красная гвардия” – “вода” на мельницу христианской церкви. <...> Я только констатировал факт: если взглядеться в столбы метели на *этом пути*, то увидишь “Иисуса Христа”. Но я иногда сам ненавижу этот женственный призрак» [6, с. 330]. Драматизм и внутреннее напряжение этих записей являются выразительным свидетельством значительности для Блока образа Христа в финале поэмы, одновременно они подтверждают справедливость утверждения В.Н. Орлова по поводу религиозности Блока: «Все, что осело христианской догмой, было ему чуждо, непонятно, более того – враждебно» [7, с. 186].

«Идея Христа» прорастает последовательно в тексте поэмы и никак не может считаться неожиданностью. Это почувствовали уже современники, например М. Волошин писал: «В этом появлении Христа в конце вьюжной Петербургской

³ См.: Волошин М.А. Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург // Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 31–32 [2].

⁴ См.: Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года // Знамя. 2000. № 11. С. 190–207 [3].

поэмы нет ничего неожиданного. Как всегда у Блока: Он невидимо присутствует и сквозит сквозь наваждения мира, как Прекрасная Дама сквозит в чертах блудниц и незнакомок. После первого – “Эх, эх без креста” – Христос уже здесь» [2, с. 31]. О том, что появление Христа в финале подготовлено всей логикой текста, неоднократно писали исследователи творчества Блока⁵.

Тема отречения от Христа («Эх, эх без креста!», «Пальнем-ка пулей в Святую Русь», «И идут без имени святого»⁶) разворачивается почти параллельно с темой приближения «к Христу». В третьей главе движение красногвардейцев осуществляется как будто в свете или с согласия высших сил: «Мировой пожар в крови – / Господи, благослови»⁷. В эпизоде усилившихся разрушительных мотивов в восьмой главе почти неожиданно прорывается молитвенный текст: «Упокой, Господи, душу рабы твоея...»⁸, останавливая звучание разбойничьих песен. Убийца Петька обращается к Христу в десятой главе: «Ох пурга какая, Спасе!»⁹. Комментаторы отмечают, что в черновом варианте текста против этой главы было записано: «И был с разбойником. Жило двенадцать разбойников»¹⁰. Совершенно справедливо в этой записи усматривают отсылку к евангельскому сюжету о двух распятых с Христом разбойниках, а также к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» и образу разбойника Кудеяра. Как видно по черновым редакциям поэмы, никаких вариантов, кроме Христа, в последних строках у Блока не было. Колебания можно усмотреть только относительно написания имени, и показательно, что поэт остановился на раскольничьем варианте – «Иисус», вместо традиционного «Иисус»¹¹.

Для прояснения нашей позиции в отношении «законности» соединения в финале поэмы образов красногвардейцев и Христа, даже обязательности этого соединения, обратимся к двум текстам, обрамляющим процесс создания поэмы «Двенадцать».

В январе 1918 года Блок размышляет о пьесе о Христе, к этому же времени относится чтение книги Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса»¹². В дневнике от 7 января 1918 года Блок делает набросок плана пьесы, который представляется очень характерным для художественных размышлений поэта. Мир предполагаемой пьесы обрисован через короткие характеристики: «Загаженность, безотрадность форм, труд». В этом пространстве апостолы рисуются намеренно сниженно, их

⁵ См., например: Розенблом Л. «Да, так диктует вдохновенье...». Явление Христа в поэме А. Блока «Двенадцать» // Вопросы литературы. 1994. № 6. С. 118–152 [8].

⁶ См.: Блок А.А. Стихотворения и поэмы. 1917–1921 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. С. 11, 12, 18 [9].

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ В идее «революционного Христа» видят связь представлений Блока со старообрядческими сектами «гогофских христиан» и хлыстов (см.: Азадовский К.М. Письма Н.А. Клюева к Блоку. Вступ. статья, публикация, комментарии // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 427–462 [10]).

¹² Черты артистизма, легкости, грациозности Христа в поэме «Двенадцать» исследователи связывали с влиянием книги Ренана (см.: Nedeljković D. Pourquoi l'image du Christ dans Les Douze d'Alexandre Blok? // Canadian Review of Comparative Literature. 1976. Vol. 3, № 2. P. 169 [11]).

образы лишены черт благообразия и избранности: «...дурак Симон с отвисшей губой удит. Разговор про то, как всякую рыбу поймать. (Как окуня, как налима.)»; «Апостолы воровали для Иисуса (вишни, пшеницу). Их стыдили»; «"Симон" ссорится с мещанами, обывателями и односельчанами. Уходит к Иисусу»; «Тут же – проститутки» [6, с. 316–317]. Противостоит сниженным характеристикам только одна «Красавица Магдалина».

Образы апостолов и Христа, а также евангельский сюжет предстают в этом тексте в неразрывной связи с современностью: «Нагорная проповедь – митинг»; «У Иуды – лоб, нос и перья бороды, как у Троцкого. Жулик...». Причина следования апостолов за Иисусом подчеркнута прозаична: идут, так как «с кем-то поругались и не поладили; бубнят что-то, разговоры недовольных» [6, с. 317].

Христос обрисован неканонически: «Входит Иисус (не мужчина, не женщина). Грешный Иисус». «Иисус – художник. Он все получает от народа (женственная восприимчивость). "Апостол" брякнет, а Иисус разовьет. <...> Между ними Иисус – задумчивый и рассеянный, пропускает их разговоры сквозь уши: что надо, то в художнике застрянет» [6, с. 316–317]. Восприимчивость Христа понимается поэтом как важнейшее свойство художественной натуры, которая не творит мир, а воплощает через поэзию услышанное в атмосфере времени.

Вероятно, вслед за Ренаном в наброске пьесы появляется сомнение относительно чуда воскресения: «А воскресает как?» [6, с. 316]. Также уместна и отсылка к более раннему стихотворению Блока «Ты отошла, и я в пустыне...» (1907 г.), в котором происходит самоотождествление поэта с Христом («Да. Ты – родная Галилея // Мне – невоскресшему Христу»). Христос Блока ничего общего не имеет с Христом церковного учения, он – человек, ставший пророком, взявший на себя миссию вождя людей.

В наброске пьесы намечено и прямое противостояние официальной церкви: «Фома (неверный) – "контролирует". Пришлось уверовать – заставили – и надули (как большевики). Вложил персты – и стал распространителем: а распространять ЗАСТАВИЛИ – инквизицию, папство, икающих попов, учредилки» [6, с. 316].

Несмотря на хаотичность и краткость наброска, в нем вполне отчетливо предстает оригинальность точки зрения Блока: апостолы – разбойники, бунтари, скандалисты, а Христос – прежде всего художник. Эпитет «грешный» опускает образ «Царя Небесного» на грешную землю, таким образом Блок включается в литературную традицию, продолжая выстраивать образ «Русского Христа»¹³. Наиболее ранним в этой традиции нужно считать поэтический текст Ф.И. Тютчева («Всю тебя, земля родная, // В рабском виде Царь Небесный // Исходил благословляя»). Блок также отмечает связь евангельской истории с Россией в наброске об апостоле Андрее: «Андрей (Первозванный) – слоняется (не сидится на месте): был в России (искал необыкновенного)» [6, с. 316].

¹³ См.: Исупов К.Г. Русский Христос // Исупов К.Г. Космос русского самосознания. Словарь. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 237–239 [12]. О соотношении Христа в поэме Блока с образом «революционного Христа» в русской классической литературе см.: Hackel S. The Poet and the Revolution: Aleksandr Blok's The twelve. Oxford [Eng.]: Clarendon Press, 1975. P. 163, 107 [13].

Пьеса Блока не была написана, но 8 января 1918 года в Записной книжке появилось первое упоминание о поэме: «Весь день “Двенадцать”»¹⁴. Как нам представляется, оба замысла Блока вызревают на основе возникшего в сознании поэта сопоставления революции и эпохи возникновения христианства. Подтверждение этой мысли находим в более позднем тексте: 15 августа 1920 года Блок прочитал в Вольной философской ассоциации на вечере памяти Вл. Соловьева доклад «Владимир Соловьев и наши дни», позднее в виде статьи появившийся в журнале «Записки мечтателей» (1921 г., № 2–3). Оценивая значение революционных событий, «духовным носителем и провозвестником» которых был Вл. Соловьев¹⁵, Блок говорит, что лицо «мирового переворота» уже определилось, отчетливо проявилась глубина тех изменений «в мире социальном, в мире духовном и в мире физическом»¹⁶, которые повлияют на будущие столетия.

Блок утверждает, что революционную эпоху в России, которая началась событиями 1905 года, нужно сопоставлять не со временем Великой французской революции, как это делали ее вожди, а с первыми веками христианства: современные кризисные, катастрофические события имеют, по словам Блока, черты «не промежуточной эпохи, а новой эры»¹⁷. Определяя характер Великой французской революции, Блок подчеркивает, что «музыка» этой эпохи, звуки которой хотя и «грозны и величественны», «взрывает лишь поверхностные покровы человеческой души, она освобождает социальную стихию, но она еще не властна разбудить всю человеческую душу, во всем ее объеме»¹⁸. Социальное пробуждение, социальные изменения не касаются глубин человеческого духа, не перестраивают человеческое сознание, это «еще не целый человек, он разбужен еще не до конца, он еще не представляет из себя совершенного орудия борьбы; ибо в составе его души есть еще сонные, неразбуженные или омертвелые, а потому – легко уязвимые части»¹⁹. Иной характер видит Блок в эпохе первого столетия нашей эры, когда политическая и социальная стихия были «взрыты» задолго до появления Иисуса Христа, но истинное обновление, сущностный переворот стал возможен лишь при появлении христианства: «Я говорю, конечно, о третьей силе, которая тогда вступила в мир и – быстро для истории, томительно долго для отдельных людей – стала равнодействующей между двумя мирами, не подзревавшими о ее живучести. В те времена эта сила называлась христианством» [14, с. 156].

Блок обвиняет историческую науку в бесчувствии к новой атмосфере, к ветру, который дует с особого «материка» и приводит в движение мир. Соловьев в логике Блока был предтечей новой эпохи, и дата его смерти ощущается как глубоко символическая, совпадающая не только хронологически с новым веком, но и с началом новой истории.

Эти размышления Блока соотносятся с важной традицией русской философии, которая настойчиво говорила о необходимости радикального «нравственного

¹⁴ См.: Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. С. 382.

¹⁵ См.: Блок А.А. Владимир Соловьев и наши дни // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.; Л.: Худож. лит., 1962. С. 155 [14].

¹⁶ См.: Там же. С. 154.

¹⁷ См.: Там же. С. 155.

¹⁸ См.: Там же. С. 156.

¹⁹ См.: Блок А.А. Владимир Соловьев и наши дни // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 156.

переворота», который должен перевести человечество в совершенно новую историческую эпоху и который придет из России. Об этом «перевороте», подобном тому, который совершил Христос, писал уже П.Я. Чаадаев в восьмом философическом письме; его противопоставлял обычной политической революции А.И. Герцен; его ощущал в событиях первой русской революции (1905 год) Л.Н. Толстой²⁰. Блок очень точно воспринял это настроение эпохи, его Христос должен пониматься как провозвестник указанного «нравственного переворота», который не сводим к политической революции, однако сопровождается трагическими революционными процессами в обществе.

В статье «Безвременье» (1906 г.) эпоху, в которую вступило человечество, Блок определяет как эпоху «распахнувшихся на площадь дверей», главной действующей силой которой становится народ – «бродяги», «праздные и бездомные шатуны»²¹, которые проходят свой голгофский путь страданий. Однако не только страдание, но также страшное и хаотическое, проявляющееся в народной стихии, остро ощущается поэтом. В поэме «Двенадцать» разрушительная стихия народного движения должна обрести целостность и созидательную силу, и роль такого организующего начала может и должна играть творческая личность, художник. Напомним, что Христос в замысле блоковской пьесы – это именно художник.

По мысли Блока, движение жизни, характер переходного, катастрофического времени острее всего чувствовали художники, и именно русские писатели в своем творчестве запечатлели величайшие прозрения: «Смерчи всегда витали и витают над русской литературой. Так было всегда, когда душа писателя блуждала около тайны преображения, превращения» [16, с. 27]. Наиболее значительные прозрения выразили русские писатели – «демоны» русской словесности: «Передо мной вырастают два демона, ведущие под руки третьего – слепого и могучего, пребывающего под страхом вечной пытки. Это Лермонтов, Гоголь и Достоевский» [16, с. 27]. Смысл наименования русских писателей «демонами» проясняется в статье «О лирике» (1907 г.), где Блок дает свою интерпретацию живописного образа демона, созданного М.А. Врубелем: «Этот Человек – падший Ангел-Демон – *первый лирик*» [16, с. 62].

Демонизм, канонизированный в русской культуре М.Ю. Лермонтовым и Врубелем, является для Блока, прежде всего, лирическим качеством²². Творческое начало в человеке поэт понимает как выражение крайней формы индивидуализма, «лирик» в таком понимании противостоит мещанству, быту, повседневности: «Лирика есть “я”, микрокосм, и весь мир поэта лирического лежит в его способе восприятия. Это – заколдованный круг, магический. Лирик – живо погребенный в богатой могиле, где все необходимое – пища, питье и оружие – с ним. О стены этой

²⁰ См.: Евлампиев И.И. «Неизбежный нравственный переворот» и идея революции в русской общественно-политической мысли XIX – начала XX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(79). С. 24–39 [15].

²¹ См.: Блок А.А. Проза. 1903–1907 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. М.: Наука, 2003. С. 24 [16].

²² О значительности демонизма Лермонтова для поэтов и мыслителей символизма см.: Титаренко С.Д. Лермонтов и русский символизм: «дух готики» и трансформация романтической традиции // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 102–115 [18].

могилы, о зеленую землю и голубой свод небесный он бьется, как о чуждую ему стихию. Макрокосм для него чужероден» [16, с. 63]. Сила Демона и одновременно трагедия – в его замкнутости, закрытости, сосредоточенности в своем микрокосме.

В поэме «Возмездие» тема демонизма обретает исторические и биографические черты: с образом демона связан образ отца поэта – А.Л. Блока, который стал известен петербургскому свету благодаря замечанию Достоевского: «Его заметил Достоевский. / “Кто сей красавец? – он спросил / Негромко, наклонившись к Вревской: – / Похож на Байрона”» [9, с. 38–39]. Важно отметить, что первоначально замысел поэмы имел непосредственную связь со смертью отца, что отразилось в ранних названиях поэмы – «1 декабря 1909 года» (дата смерти А.Л. Блока) и «Отец». В письме к матери от 4 декабря Блок подчеркивал те черты «внутреннего обличья отца», которые он открыл для себя: «Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры» [19, с. 298].

Демонизм в творчестве Блока становится признаком новых возможностей индивидуального сознания, высоты творческих дерзаний человеческого духа. Неслучайно в Прологе поэмы «Возмездие», которую можно считать творческой декларацией Блока, через библейский образ Денницы («Ты, поразившая Денницу...») ²³ Поэт соотносится с ангелом, отпавшим от Бога.

В ходе работы Блока над поэмой «Возмездие» формируются контуры ее идейного замысла: тема исхода, конца истории, трагедия смерти демона-отца должны были отступить перед вопросом будущего или, точнее, будущее должно родиться из прошлого. Неслучайно в Предисловии к поэме, написанном на поздних этапах работы – в 1919 году, Блок говорит о будущей жизни и о будущем герое-сыне, «отпрыске рода»: «Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытывавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, – начинает в свою очередь творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества» [9, с. 50]. Показательно, что о новой жизни и потребности в новом герое Блок отчетливо заговорит после революционных событий 1917 года, но уже в письме А. Белому от 6 июня 1911 года Блок писал о рождении «человека “общественного”, художника, мужественно глядящего в лицо миру» [19, с. 342].

В развитии темы героя нового времени в поэме ясно слышатся трагические интонации: индивидуальный героический поступок в современной жизни неразрывно связан с темой жертвы, образ нового героя в поэме строится с ореолом жертвенности, т. е. по модели Христа. В дневнике от 3 декабря 1911 года Блок записывает вариант плана поэмы, в котором сюжет движется к современности и реализуется в трагической гибели героя-сына: «Мама дала мне совет – окончить поэму тем, что “сына” поднима-

²³ «Как упал ты с неба, денница, сын зари! А говорил в сердце своем: “Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Исаия, 14: 12-15).

ют на штыки на баррикаде. План – четыре части – выясняется. I – “Демон” (не я, а Достоевский так назвал, а если не назвал, то e ben trovato), II – Детство, III – Смерть отца, IV – Война и революция, – гибель сына» [6, с. 99]. Во Вступлении к поэме обозначен сюжет, который должен был появиться в Эпиллоге: «В эпиллоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет; он начинает уже играть, он начинает повторять по складам вслед за матерью: “И я пойду навстречу солдатам... / И я брошусь на их штыки... / И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот”» [9, с. 51].

Отметим еще один важный компонент смысла, возникающий в «Возмездии». По мысли Блока, герой-сын органически связан с историей своего рода, но одновременно именно он совершает значительный поворот, преодолев бездеятельность и сосредоточенность в глубинах собственного мира демона-отца и открывшись миру: «Герой уж не разит свободно – / Его рука – в руке народной...» [9, с. 21]. Таким образом, лирическая тема поэмы – творческая миссия Поэта – превращается в тему отношений Поэта и мира, долга поэта перед миром. При этом отметим, что связь отца-демона и сына, жертвенная судьба которого сближает его путь с жертвой Христа, закономерна («Сыны отражены в отцах»), сын осознает свой подвижнический путь, благодаря индивидуализму демона преодолевая или добровольно отказываясь от него.

Для осмысления этих тем очень показательны разговоры и споры Блока с Е.П. Ивановым о понимании Христа. 25 января 1905 года Иванов после разговора с Блоком записал: «Мысль Ал. Блока о двоеверии большая, очень большая мысль. Но это не в прежнем смысле раздвоения двоеверного в историческом совмещении языческого и христианского. Нет, чувствуется нечто новое. Какая-то “новая красота” (О ней где-то у Лермонтова в “Демоне”) и “красота древняя” не новая, историческая красота ангелов-богов, не знающих еще суда о “новой” – Демона, не знающих суда Сына Человеческого. Исторически небо выдвигает правду этой “красоты”, которая ни от богов и ангелов, ни от диавола и бесов, а от странного образа Демона, ибо Демон не диавол и не ангел, а до времени ожесточенный, омраченный человек, в нем страдание человека и “Бог не пощадил и мир не спас”, но кто же спасет? Сын человеческий. Потому Демон как бы имеет крылья нового предтечи сына человеческого, приготовляет путь Ему в будущем, до времени вместе и антихристу, но Дева (Тамара – Татьяна) “она его за муки полюбила, а он ее за страданье к ним” – первая отличает и выводит его на свет, эту “новую красоту”, – Демона человека в отверженности небом и землей – миром. Все новорожденное в мире приходит демонически и кажется бесовщиной. Всему новому мир противится, восклицая: “что за новость, черт!”» [20, с. 392].

Преобразование образа Христа-Богочеловека, восходящего к церковному учению, в образ Христа-человека, о чем мы говорили выше, оказывается только первым этапом размышлений Блока о «мировом перевороте», который ждет человечество. На втором этапе он уже мыслит Христа как Демона, т.е. как падшего ангела, противостоящего Богу-Творцу, который выступает ложным Богом, подчиняя людей и лишая их творческой энергии, и противостоит подлинному Богу внутри самого человека. Здесь можно угадать логику гностического мифа, согласно кото-

рому земной мир создан не благим Богом-Отцом, а злым Богом-Демидургом, неудачным порождением божественной Софии-Премудрости.

Бог-Отец, подлинный Бог, также мыслится Блоком совсем не похожим на Бога ортодоксального христианства, это, скорее, «Бог-художник» Ф. Ницше, который в предисловии ко второму изданию своей работы «Рождение трагедии из духа музыки» писал: «Вся книга признает только художественный смысл, явный или скрытый, за всеми процессами бытия – “Бога”, если вам угодно, но, конечно, только совершенно беззаботного и неморального Бога-художника, который как в созидании, так и в разрушении, в добром, как и в злом, одинаково стремится ощутить свою радость и свое самовластие, который, создавая миры, освобождается от гнета полноты и переполненности, от муки сдавленных в нем противоречий» [21, с. 52–53]. Позиция Ницше вполне соотносится с гностической религиозностью, ведь в ней главным является отождествление Бога и человека, в результате чего на человека переносятся (в потенции) свойства всемогущего Бога, а на Бога – свойства человека, прежде всего его внутренняя противоречивость. Человек, осознавший в себе такого Бога и раскрывший его в своей жизни, станет не благостным христианским святым, а лермонтовским Демидом, возвышающимся над всеми ангелами и людьми – но не своим «добром», а, наоборот, своей неразрешимой трагической противоречивостью, являющей глубинные противоречия бытия. Именно такой Демид, научившийся направлять энергию не на удовлетворение своих эгоистических желаний, а на служение людям и стимулирование их творческой энергии, и может стать *новым Христом*, преобразующим хаос, борение, неразрешимую противоречивость бытия, наиболее полно отражающуюся в жизни человека, в гармоничные формы совершенно новой, невиданной красоты. Хотя прежде чем эта красота родится, он будет вынужден пережить вместе с миром и человеком трагическую коллизию разрушения старого мира, который подчинен средневековому «моральному» Богу-Творцу.

Эти выводы подтверждают размышления о Христе в письмах Блока. Несмотря на разнообразие и внешнюю хаотичность высказываний поэта, как представляется, в них можно увидеть вполне определенную логику. В письме А. Белому от 1 августа 1903 года Блок фактически противопоставляет Христа образу святой Софии: «Еще (или уже, или никогда) *не чувствую* Христа. *Чувствую Ее*. Христа иногда только *понимаю*» [22, с. 89]. Но образ гностической Софии – это отражение самых глубоких, метафизических противоречий бытия, ведь именно София, согласно главному гностическому мифу, являясь выражением высшей, божественной красоты и мудрости, порождает Демидурга, злого Бога-Творца нашего мира, который оказывается источником зла и страдания в жизни человека. Позднее в письме от 28 июня 1904 года Е. Иванову поэт признается: «Ведь я “иногда” и Христом мучаюсь» [19, с. 108]. В более поздних письмах 1905 года возникает и объяснение того, что именно неприемлемо для Блока в образе Христа, 25 июня поэт пишет Е. Иванову: «Знаешь, что я хочу бросить? Кротость и уступчивость. Это необходимо относительно некоторых дел и некоторых людей. Знаешь ли, что одиночество, пока оно остается чувством, томит, и нежит, и думать не дает, и рукой манит. А потом вдруг оно становится из чувства – знанием, и тогда оно крепит, и на узде держит, и заставляет опять СЕБЯ же черпать <...>. Что тебе – Христос, то

мне – не Христос» [19, с. 130]. В контексте размышлений об отказе от христианской кротости, о потребности свершений Блок продолжает: «Старое рушится. Никогда не приму Христа». [19, с. 131]. Очевидно, что здесь речь идет о Христе в том смысле, как его понимает ортодоксальное христианство, церковная традиция. И в следующем письме Е. Иванову от 5 августа читаем: «...Я дальше, чем когда-нибудь, от религии...» [19, с. 133]. В стихотворении 1905 года «Вот он – Христос – в цепях и розах...», посвященном Е. Иванову, Блок создает образ именно «кроткого» Христа («Вот агнец кроткий в белых ризах...»). Как нам представляется, периодически прорывающийся в высказываниях Блока отказ от Христа и религиозности следует понимать как спор с ортодоксальными, закрепленными исторической церковью представлениями о христианстве.

Важным комментарием к пониманию Блоком Христа могут быть размышления над художественными текстами Достоевского. В статье «Безвременье» Блок охарактеризовал Достоевского как художника, посланного в мир «на страдания», его «мечта» о «восстановлении мировой справедливости», «о защите униженных и оскорбленных», о Боге обозначила с особой напряженностью необходимость преобразования мира и русской жизни. Однако при всей значительности размышлений Достоевского для поэта он именуется «слепым демоном». Достоевский предстает как тот самый художник, творец, который обнаружил необходимость выйти за пределы собственного индивидуализма, собственной высокой мечты о Золотом веке, открыть дорогу идеальному в мир. Однако, по мысли Блока, путь его трагичен и он не обретает истины. В данной статье творчество Достоевского Блок предлагает осмыслить через один эпизод романа «Идиот», романа о «князе Христе» (по выражению самого Достоевского), – через встречу Мышкина и Рогожина «на повороте темной лестницы». Этот эпизод романа Блок прочитывает символически – как встречу идеала и действительности, гармонического высшего мира и хаотичной жизни, где Поэт, мыслитель должен обратиться к страшному недоволенному миру с преображающим словом истины. Напомним, что в романе Достоевского преследования Рогожина, его желание убить Мышкина заканчивается тем, что герои обмениваются крестами, таким образом в символическом плане романа реализуя идею двойничества, сущностной их связи. Эта встреча названа Блоком «мигом ослепительного счастья», однако для идеального героя эта встреча завершается припадком – «пришла падучая»²⁴. Вероятно, в понимании Блока кроткая натура Мышкина, всепрощающего и всепримиряющего Христа, не обладала той силой, которая могла бы, столкнувшись с безобразием мира, преобразить его раскрепостившееся хаотичное и злое начало.

Размышления Блока оттеняет и проясняет его интерес к статье В. Вернера «Тип Кириллова у Достоевского» («Новый путь», 1903). Изучив пометы, которые были сделаны Блоком в текстах Достоевского и на статье В. Вернера, вызвавшей очевидный интерес поэта, И.В. Корецкая делает справедливое замечание, что «свой мистический идеал поэт ... не замыкал в рамки конфессионально-православного, а порой и прямо противопоставлял ему»²⁵. Блока заинтересовали размышления

²⁴ См.: Блок А.А. Проза. 1903–1907 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. С. 29.

²⁵ См.: Корецкая И.В. Блок о Достоевском (по неизвестным материалам) // Литературное наслед-

В. Вернера о проблеме богоборчества и богопокорности, альтруизма и индивидуализма в романах Достоевского. Значительным для Блока станет обнаруженное Вернером соединение в образе Кириллова «"нового слова" эгоистического своеволия» с «"дарящей" любовью к людям, с маниакальной убежденностью в общественно-освободительной миссии своей идеи, помогающей якобы сбросить иго христианской догмы и открывающей путь к истинному счастью»²⁶. Отчеркнутые Блоком фрагменты статьи обнаруживают его пристальный интерес к мысли Вернера о соединении в герое Достоевского крайне индивидуалистического миропонимания с жалостью и любовью к людям, готовностью к жертве²⁷.

Развитие этой мысли мы находим в статье Блока «Ирония» (1908 г.), здесь поэт размышляет о кризисе индивидуализма, предлагая новое понимание истинного проявления личности. В этих размышлениях он идет вслед за Вл. Соловьевым. «Личное самоотречение не есть отречение от личности, а есть отречение лица от своего эгоизма», – цитирует Блок Соловьева²⁸. Отречение от индивидуального не есть отказ от личного, ради общего, а выход к жизни духа созидательного, жизни ради мира в противоположность «бесплодному духу» сомнения и иронии. В настоящее время личность, когда-то выделившаяся, осознавшая свою индивидуальность, должна воплотиться через соединение с миром, служение миру. Именно такого воплощения ищет Блок, так понимает истинное проявление индивидуального. Вновь мы видим модель нового Мессии, нового Христа как лермонтовского Демона, научившегося служить не себе, а всем людям.

Здесь возникает вопрос о том, на какие источники опирался Блок в своих размышлениях о высшем проявлении личности через деятельное отношение к миру людей и жизни, сопоставляя такое проявление с подвигом Христа. Современные исследователи справедливо указывают на источники, связанные с гностической версией христианства²⁹. А. Рычков утверждает гностическое происхождение идеи «рождения нового человека» в философии Серебряного века: «Будучи последователями историософии Иоахима Флорского и Вл. Соловьева, символисты видели сопровождаемое неизбежными катастрофами рождение "нового человека" в приближающемся новом историческом эоне "Третьего царства Духа" как "исполнение Третьего Завета, воплощение Третьей Ипостаси Божеской" – софийного Духа Святого. Так софиологические воззрения оказывались предпосылками воззрений эсхатологических и сотериологических: соловьевский извод символизма ставил перед собой отнюдь не филологическую, но религиозно-философскую задачу становле-

ство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 17 [23].

²⁶ Там же. С. 20–21.

²⁷ Отметим, что в современном литературоведении уже сложилась устойчивая традиция понимания Кириллова как «нового Христа» Достоевского (см.: Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. СПб., 2021. С. 467–486 [24]).

²⁸ Блок цитирует работу В.С. Соловьева «Национальный вопрос в России (1883–1891)». Как отмечают комментаторы ПСС Блока, в экземпляре тома из личной библиотеки поэта этот фрагмент подчеркнут (см.: Блок А.А. Проза. 1908–1916 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 8. М.: Наука, 2010. С. 368 [25]).

²⁹ См., например: Магомедова Д.М. Блок и гностики // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 70–84 [26].

ния нового человека будущего в канун Великой революции и войны» [27, с. 227]. Заметим, что в современных исследованиях толкование художественных текстов Достоевского и его последователей в эпоху Серебряного века через преломление гностических представлений уверенно входит в научную практику³⁰.

Главное в христианстве Блок понимает как путь освящения мира, признание божественного измерения в самом земном бытии, причем в силу «революционных предчувствий» для поэта важен Христос действенный, глубоко осознающий противоречия бытия, а не «кроткий», отстраненный от борений мира. В этой связи показательно раннее размышление Блока над евангельским текстом: «Во 2-й главе Евангелия от Иоанна описано первое чудо и первое “снадение ревностью по дому” Отца. Значит, не было еще всей мудрости у Христа? Что же умудрило его? Или жизнь? (!)» [6, с. 44]. Здесь Блок имеет в виду чудо в Кане Галилейской, когда Христос, придя на брачный пир, превратил воду в вино. Это чудо направлено на удовлетворение самых простых земных желаний людей (земная любовь и радость, обретаемая через вино), т.е. тема связи Христа с миром и жизнью понималась Блоком как необходимое условие его богоизбранности. Обратим внимание на то, что описание этого чуда (представленного в сне-видении Алеши Карамазова) занимает центральное место в идейной структуре романа Достоевского «Братья Карамазовы». Можно добавить, что и положительное отношение к образу Христа в центральной части позднего трактата Ницше «Антихрист», удивительное для немецкого мыслителя, всю жизнь боровшегося с христианством как религией слабости и пессимизма, также основано на признании в качестве главного качества Христа идеи «блаженства», земной радости. Показательно, что современные исследователи прямо объясняют эту перемену в отношении Ницше к Христу влиянием Достоевского (перед написанием «Антихриста» Ницше внимательно прочел роман «Бесы» и сделал несколько важных выписок из истории Кириллова, претендующего быть новым Христом)³¹.

Христос-художник Блока может быть правильно понят только в рамках гностической версии христианства, согласно которой Бог существует только в самом человеке и, значит, Христос, как и все великие пророки человечества, является исходно простым человеком, отличающимся только тем, что он сумел раскрыть в себе божественное начало и стать личностью, влияющей на ход истории. Чудо в Кане Галилейской оказывается иллюстрацией именно такого понимания Христа и его роли в мире: Христос использует свои мистические силы для изменения земной действительности (превращает воду в вино), для служения людям, чтобы жизнь людей, хотя бы в отдельном аспекте, стала более радостной и совершенной.

В публицистике Блока эта тема продолжается вполне определенно: писатель – «обреченный», он должен «растрчивать свое человеческое “я”, растворять его в массе других требовательных и неблагодарных “я”...»³². Неслучайно в отношении

³⁰ См.: Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. С. 144–285.

³¹ См.: Евлампиев И.И. Русская философия в европейском контексте. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 96–108 [28].

³² См.: Блок А.А. Проза. 1908–1916 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 8. С. 16.

писателя в текстах Блока появляется слово «сораспятие» – мир, раздираемый трагическими противоречиями и катастрофами, требует жертвенности от Поэта.

Лирическое творчество Блока предвосхищает его позднее сопряжение темы поэтического и религиозного служения и жертвы. Здесь уместно вспомнить стихотворение Блока из небольшого цикла «Осенняя любовь» (1907 г.), в котором лирический герой принимает муки Христа («Пред ликом родины суровой / Я закачаюсь на кресте...»). Причем лирическая тема осложняется тем, что именно перед принявшим муки героем предстает видение Христа («Ко мне плывет в челне Христос»).

Подводя итог, можно еще раз подчеркнуть, что Христос Блока не только не соответствует церковной трактовке этого образа, но отчетливо противопоставлен ей. Идеальный образ Христа в творчестве Блока должен быть прочитан в логике гностической версии христианского учения, согласно которой функция Христа в мире – не спасение людей через голгофскую жертву, а реальное воздействие на людей ради их объединения и создания новой гармонии. Такой Христос должен вобрать в себя опыт Демона, открывшего противоречия и тайны бытия и души человека, и стать Поэтом, чье слово организует людей и ведет их к единству. Несмотря на эти качества, отличающие блоковского Христа, он остается *Христом*, т. е. Мессией, пророком, жертвующим собой ради людей.

Может показаться, что понятого таким образом Христа вообще нет в поэме Блока и, значит, все наши размышления не приводят к поставленной цели. Однако при этом нужно вспомнить о характерной особенности литературы Серебряного века (и в целом модернистской литературы) – она имеет тенденцию к снятию границы между художественным миром и миром реальным. Поэма «Двенадцать», написанная в грозные революционные дни, несомненно обладает этой особенностью; и это означает, что Христом, направляющей и организующей силой революционного хаоса, изображенного в поэме, мы должны признать самого автора – Александра Блока. В таком отождествлении нужно видеть не самовозвышение «гордого человека», а предельную готовность к самопожертвованию, чем-то похожую на жертвенность Кириллова, героя романа Достоевского, самоубийцу, кончающего с собой ради того, чтобы заставить людей принять новое религиозное откровение.

Но как же тогда нужно интерпретировать видение Христа, возглавляющего революционное шествие? При этом нужно обратить внимание, что в гностической картине мира предстают два Христа: помимо Христа-человека, живущего среди людей и направляющего их на великие дела, есть духовный Христос, входящий в Плерому, в божественный мир, из которого происходит София-Премудрость. Этот Христос в некоторых богословских концепциях гностического толка (например, в известном трактате Оригена «О началах») отождествляется с Софией и выступает в качестве идеала, выражающего совершенное состояние земного мира. Вероятно, именно этот, второй, божественный Христос-София и ведет красногвардейцев, обозначая ту идеальную цель, к которой должны привести все их деяния, пока еще очень далекие от совершенства и божественной красоты.

Список литературы

1. Маяковский В.В. Умер Александр Блок // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1959. С. 21–22.
2. Волошин М.А. Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург // Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 25–45.
3. Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года // Знамя. 2000. № 11. С. 190–207.
4. Гаген-Торн Н.И. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник II. Труды второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 444–446.
5. Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 663 с.
6. Блок А.А. Дневники. 1901–1921 // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.; Л.: Худож. лит., 1963. 544 с.
7. Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М.: Известия, 1981. 719 с.
8. Розенблум Л. «Да, так диктует вдохновенье...». Явление Христа в поэме А. Блока «Двенадцать» // Вопросы литературы. 1994. № 6. С. 118–152.
9. Блок А.А. Стихотворения и поэмы. 1917–1921 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. 563 с.
10. Азадовский К.М. Письма Н.А. Клюева к Блоку. Вступ. статья, публикация, комментарии // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 427–462.
11. Nedeljković D. Pourquoi l'image du Christ dans Les Douze d'Alexandre Blok? // Canadian Review of Comparative Literature. 1976. Vol. 3, № 2. P. 154–172.
12. Исаев К.Г. Русский Христос // Исаев К.Г. Космос русского самосознания. Словарь. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 237–239.
13. Hackel S. The Poet and the Revolution: Aleksandr Blok's The twelve. Oxford [Eng.] : Clarendon Press, 1975. 254 p.
14. Блок А.А. Владимир Соловьёв и наши дни // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.; Л.: Худож. лит., 1962. С. 154–159.
15. Евлампиев И.И. «Неизбежный нравственный переворот» и идея революции в русской общественно-политической мысли XIX – начала XX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(79). С. 24–39.
16. Блок А.А. Проза. 1903–1907 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. М.: Наука, 2003. 500 с.
17. Примочкина Н. Демон Блока и Демон Врубеля (К проблеме сопоставительного анализа произведений словесного и изобразительного искусства) // Вопросы литературы. 1986. № 4. С. 151–171.
18. Титаренко С.Д. Лермонтов и русский символизм: «дух готики» и трансформация романтической традиции // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 102–115.
19. Блок А.А. Письма. 1898–1921 // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.; Л.: Худож. лит., 1963. 171 с.
20. Иванов Е.П. Воспоминания об Александре Блоке / публ. Э.П. Гомберг и Д.Е. Максимова // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С. 344–425.
21. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–157.
22. Андрей Белый, Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 606 с.
23. Корецкая И.В. Блок о Достоевском (по неизвестным материалам) // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 13–33.
24. Евлампиев И.И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф.М. Достоевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 600 с.

25. Блок А.А. Проза. 1908–1916 // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 8. М.: Наука, 2010. 586 с.
26. Магомедова Д.М. Блок и гностики // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: ИЧП «Мартин», 1997. С. 70–84.
27. Рычков А.Л. Реценция гностических идей в русской литературе начала XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31, № 4. С. 223–246.
28. Евлампиев И.И. Русская философия в европейском контексте. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 464 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Blok, A.A. Dnevniky. 1901–1921 [Diaries. 1901–1921], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 7* [Works in 8 vols., vol. 7]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1963. 544 p.
2. Blok, A.A. Stikhotvoreniya i poemy. 1917–1921 [Poems and poems. 1917–1921], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 5* [Complete Works and letters in 20 vols., vol. 5]. Moscow: Nauka, 1999. 563 p.
3. Blok, A.A. Vladimir Solov'ev i nashi dni [Vladimir Solovyov today], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 6* [Works in 8 vols., vol. 6]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1962, pp. 154–159.
4. Blok, A.A. Proza. 1903–1907 [Prose. 1903–1907], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 7* [Complete Works and letters in 20 vols., vol. 7]. Moscow: Nauka, 2003. 500 p.
5. Blok, A.A. Pis'ma. 1898–1921 [Letters. 1898–1921], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 8* [Works in 8 vols., vol. 8]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1963. 171 p.
6. Blok, A.A. Proza. 1908–1916 [Prose. 1908–1916], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 8* [Complete Works and letters in 20 vols., vol. 8]. Moscow: Nauka, 2010. 586 p.
7. Mayakovskiy, V.V. Umer Aleksandr Blok [Alexander Blok died], in Mayakovskiy, V.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t., t. 12* [Complete Works in 13 vols., vol. 12]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1959, pp. 21–22.
8. Nitsche, F. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm [The Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism], in Nitsche, F. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 47–157.
9. Voloshin, M.A. Poeziya i revolyutsiya. Aleksandr Blok i Il'ya Erenburg [Poetry and revolution. Alexander Blok and Ilya Erenburg], in Voloshin, M.A. *Sobranie sochineniy. T. 6. Kn. 2. Proza 1900–1927. Ocherki, stat'i, leksii, retsenzii, nabroski, plany* [Works. Vol. 6. Book 2]. Moscow: Ellis Lak 2000, 2008, pp. 25–45.

Individual Works

10. Andrey Belyy, Aleksandr Blok. *Perepiska. 1903–1919* [Andrey Bely, Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada, 2001. 606 p.
11. Blok, A.A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1965. 663 p.
12. Gagen-Torn, N.I. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke [Memories of Alexander Blok], in *Blokovskiy sbornik II. Trudy vtoroy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy izucheniyu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka* [Proceedings of the second scientific conference devoted to the study of the life and work of A.A. Blok]. Tartu, 1972, pp. 444–446.
13. Ivanov, E.P. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke [Memories of Alexander Blok], in *Blokovskiy sbornik* [The Block collection]. Tartu, 1964, pp. 344–425.

(Articles from Scientific Journals)

14. Evlampiev, I.I. «Neizbezhnyy npravstvennyy perevorot» i ideya revolyutsii v russkoy obshchestvenno-politicheskoj mysli XIX – nachala XX veka [“The inevitable moral revolution” and the idea of revolution in Russian socio-political thought of the 19th – early 20th centuries], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 3(79), pp. 24–39.
15. Final «Dvenadsati» – vzglyad iz 2000 goda [The finale of “The Twelve” – a look from 2000], in *Znamya*, 2000, no. 11, pp. 190–207.
16. Nedeljković, D. Pourquoi l'image du Christ dans Les Douze d'Alexandre Blok? Canadian Review of Comparative Literature, 1976, vol. 3, no. 2, pp. 154–172.
17. Primochkina, N. Demon Bloka i Demon Vrubelya (K probleme sopostavitel'nogo analiza proizvedeniy slovesnogo i izobrazitel'nogo iskusstva) [Blok's Demon and Vrubel's Demon (On the problem of comparative analysis of works of verbal and visual art)], in *Voprosy literatury*, 1986, no. 4, pp. 151–171.
18. Rychkov, A.L. Retseptsiya gnosticheskikh idey v russkoy literature nachala XX veka [Reception of Gnostic ideas in Russian literature of the early 20th century], in *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2013, vol. 31, no. 4, pp. 223–246.
19. Rozenblyum, L. «Da, tak diktuet vdokhnoven'e...». Yavlenie Khrista v poeme A. Bloka «Dvenadsat'» [“Yes, that's what inspiration dictates...”. The appearance of Christ in A. Blok's poem “The Twelve”], in *Voprosy literatury*, 1994, no. 6, pp. 118–152.
20. Titarenko, S.D. Lermontov i russkiy simbolizm: «dukh gotiki» i transformatsiya romanticheskoy traditsii [Lermontov and Russian symbolism: the “spirit of Gothic” and the transformation of the romantic tradition], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 1(45), pp. 102–115.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

21. Azadovskiy, K.M. Pis'ma N.A. Klyueva k Bloku. Vstupitel'naya stat'ya, publikatsiya, komentarii [Letters from N.A. Klyuev to Blok. Introductory article, publication, comments], in *Literaturnoe nasledstvo*, t. 92. *Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniya*. Kn. 4 [Literary Heritage, vol. 92. Alexander Blok: new materials and research. Book 4]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 427–462.
22. Koretskaya, I.V. Blok o Dostoevskom (po neizvestnym materialam) [Block about Dostoevsky (based on unknown materials)], in *Literaturnoe nasledstvo*. T. 92. *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya*. Kn. 4 [Literary Heritage, vol. 92. Alexander Blok: new materials and research. Book 4]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 13–33.

(Monographs)

23. Evlampiev, I.I. *Obraz Iisusa Khrista v filosofskom mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo* [The image of Jesus Christ in the philosophical worldview of F.M. Dostoevsky]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2021. 600 p.
24. Evlampiev, I.I. *Russkaya filosofiya v evropeyskom kontekste* [Russian philosophy in the European context]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2017. 464 p.
25. Hackel, S. *The Poet and the Revolution: Aleksandr Blok's The twelve*. Oxford [Eng.]: Clarendon Press, 1975. 254 p.
26. Isupov, K.G. *Russkiy Khristos* [Russian Christ], in Isupov, K.G. *Kosmos russkogo samosoznaniya. Slovar'* [The cosmos of Russian self-awareness. Dictionary]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2020, pp. 237–239.
27. Magomedova, D.M. Blok i gnostiki [Blok and the Gnostics], in Magomedova, D.M. *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical myth in the works of A. Blok]. Moscow: IChP «Martin», 1997, pp. 70–84.
28. Orlov, V.N. *Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka* [Gamayun. Life of Alexander Blok]. Moscow: Izvestiya, 1981. 719 p.